

В.С. Еремин
Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского

**ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СТРАТЕГИЙ В ГОДЫ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ И НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН
(О КНИГЕ ДЖ. БЛЭКА)**

В статье анализируется книга британского историка Джереми Блэка «Революционные и Наполеоновские войны: стратегии для мировой войны». Центральным сюжетом монографии является проблема развития стратегии в европейских вооруженных конфликтах рубежа XVIII–XIX вв. в глобальном контексте. Автор книги указывает, что на выработку стратегических планов влияют не только военные концепции и традиции, но и социально-политический и культурный контекст эпохи. Поскольку масштаб Революционных и Наполеоновских войн далеко выходил за пределы Западной Европы, сухопутные и морские операции должны рассматриваться в глобальном измерении, с учетом других столкновений в Азии, Северной и Южной Америках. Обширная география боевых действий заставляла воюющие страны вносить коррективы в свою политику. Дж. Блэк указывает, что несмотря на революционные новации, многое во французских вооружённых силах оставалось прежним. Наполеон, отказавшись от части наследия 1790-х гг., не смог выработать успешной стратегии, эффективной на глобальном уровне. Франция проиграла борьбу за господство на морских коммуникациях, лишилась своего влияния в Индии и Карибском бассейне. Ей также не удалось наладить успешного взаимодействия со своими союзниками. Результатом череды войн конца XVIII – начала XIX вв. стало не только возвышение Британской и Российской империй, но и существенные изменения в стратегическом планировании европейских держав.

Ключевые слова: Революционные войны, Наполеоновские войны, глобальная история, интеллектуальная история, военно-историческая антропология, Дж. Блэк

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20–18–00113.

Цитирование: *Еремин В.С.* Глобальная история стратегий в годы Революционных и Наполеоновских войн (о книге Дж. Блэка). DOI

10.32608/0235-4349-2022-1-55-389-399 // Французский ежегодник 2022: Французы за пределами Франции. Т. 55. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 389-399.

Поступила в редакцию: 19.02.2022

Принята к печати: 01.05.2022

Vladimir Eremin
Saratov State University

**GLOBAL INTELLECTUAL HISTORY OF STRATEGIES
DURING THE REVOLUTIONARY AND NAPOLEONIC WARS
(ON THE BOOK BY J. BLACK)**

The article is a review of Jeremy Black's book "Revolutionary and Napoleonic Wars: Strategies for World War". The central issue of the monograph is the problem of strategy development in European armed conflicts at the turn of the 18–19 centuries in a global context. The author of the book points out that the development of strategic plans is influenced not only by military concepts and traditions, but by the social, political and cultural contexts of the age. Since the scale of the Revolutionary and Napoleonic Wars went beyond Western Europe, land and sea operations should be considered in a global dimension, considering other clashes in Asia, North and South America. The vast geography of hostilities forced the warring countries to adjust their policies. J. Black points out that despite the revolutionary innovations, much in the French armed forces remained the same. Napoleon, having abandoned part of the legacy of the 1790s, was unable to develop a successful strategy that was effective at the global level. France lost the struggle for dominance in sea lanes and lost its influence in India and the Caribbean. It also failed to establish successful interaction with its allies. The result of a series of wars of the late 18 – early 19 centuries was not only the rise of the British and Russian empires, but also significant changes in the strategic planning of the European powers.

Keywords: Revolutionary Wars, Napoleonic Wars, global history, intellectual history, military history, J. Black

Acknowledgements: The study is sponsored by the Russian Science Foundation, grant 20-18-00113.

Citation: Eremin, V.S. (2022). Global'naiia istoriia strategii v gody Revoliutsionnykh i Napoleonovskikh voïn (o knige Dzh. Blëka). [Global Intellectual History of Strategies during the Revolutionary and Napoleonic Wars (on the book by J. Black)]. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-389-399. *Annual of French Studies* 2022, vol. 55, p. 389-399.

По остроумному замечанию ведущего отечественного меди-евиста П.Ю. Уварова, историк может смотреть на свой предмет «из мышиной норы, с кургана и с высоты птичьего полета»¹. Последнее справедливо не только для истории большой длительности, изучающей глубинные социально-экономические процессы. Военная история, особенно если речь идет о масштабных конфликтах, также может изучаться с дальней дистанции. Вооружённые столкновения конца XVIII – начала XIX вв. в историографии часто рассматриваются в традиционном ключе: специалисты обращаются к событийной истории, характеризуя ход кампаний, армии противоборствующих сторон или отдельные полки, участвовавшие в тех или иных операциях. Некоторые исследователи рассматривают войны через призму человеческого измерения, уделяя особое внимание сознанию комбатантов и гражданских лиц².

Британский историк Джереми Блэк (род. 1955 г.)³ является автором более сотни работ по различным вопросам политической, дипломатической, военной истории Западной Европы в Новое и Новейшее время. В ряде трудов он анализирует войны с применением глобального подхода⁴. В его обширной библиографии также имеются исследования, посвященные истории развития военных стратегий⁵. Однако, в монографии «Революционные и Наполеоновские войны:

¹ Уваров П.Ю. Мир накануне раннего Нового времени. СПб., 2022. С. 10.

² Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 5–22; Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Т. 59. С. 136–150; *Он же*. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2018; Чудинов А.В. Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. М., 2019.

³ Подробнее об авторе и о его основных работах см.: <https://jeremyblackhistorian.wordpress.com> (дата обращения: 16.04.2022).

⁴ См.: Black J. *Naval Warfare: A Global History since 1860*. Lanham, 2017; *Idem*. *Land Warfare since 1860: A Global History of Boots on the Ground*. Lanham, 2018; *Idem*. *Introduction to Global Military History: 1775 to the Present Day*. L., N.Y., 2019.

⁵ Например, см.: Black J. *Plotting power: strategy in the eighteenth century*. Bloomington, 2017; *Idem*. *Military strategy: a global history*. New Haven, 2020; *Idem*. *Strategy and the Second World War: How the War was Won, and Lost*. L., 2022.

стратегии для мировой войны»⁶, выпущенной в 2022 г., он предпринял попытку выявить особенности развития стратегической мысли полководцев и политиков враждующих сторон в годы вооруженных конфликтов рубежа XVIII–XIX вв.⁷, поместив их в глобальный контекст. Таким образом, в книге рассматриваются не только боевые действия на Европейском континенте, но и военные операции за пределами Старого света, включая войну между США и Великобританией 1812–1814 гг. Отметим, что текст предваряет посвящение грузино-американскому специалисту по истории Наполеоновских войн А. Микаберидзе, также известному своим интересом к глобальному подходу⁸.

На протяжении десяти глав, в хронологической последовательности автор освещает основные изменения стратегических установок враждующих сторон в 1790-е – 1810-е гг. – Франции, Британии, России, Австрии, Пруссии, а также США. При этом Дж. Блэк рассматривает стратегию не как выработку задач и реализацию принятых решений, но как продукт интеллектуальной деятельности военных и государственных мужей в идейном и политическом контексте эпохи (С. 2).

Источниковая база исследования представлена архивными документами, воспоминаниями и перепиской военачальников и политических деятелей эпохи. Дж. Блэк опирается также и на труды военных теоретиков того времени, прежде всего А.-А. Жомини и К. фон Клаузевица. Анализ их сочинений, во многом определивших восприятие стратегии Наполеона потомками, представлен в девятой главе монографии (С. 187–193). Корпус исследовательской литературы ограничен наиболее важными работами. Британский историк оговаривается, что его задача поставить проблему, внести свой вклад в дискуссию, а не выносить окончательные суждения (С. XI).

В монографии справедливо отмечается сложность использования понятия «стратегия». В начале XIX в. оно лишь входит в воен-

⁶ *Black J.* The French Revolutionary and Napoleonic Wars: strategies for a world war. Lanham: Rowman & Littlefield, 2022. 234 p. Сначала, в феврале 2021 г., в свет вышло электронное издание, и лишь год спустя была опубликована бумажная версия. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках.

⁷ Отметим, что специалисты уже обращали внимание на стратегию как предмет интеллектуальной истории и истории идей. См.: *Robin R.* The Cold World They Made: The Strategic Legacy of Roberta and Albert Wohlstetter. Cambridge (MA), 2016; *Isaac J.* Strategy as Intellectual History // *Modern Intellectual History*. Vol. 16. 2019. № 3. P. 1007–1021.

⁸ См.: *Mikaberidze A.* The Napoleonic Wars: A Global History. L., 2020.

но-политический лексикон и имеет свои особые коннотации (С. 3, 192–193). Современная обширная литература также не дает единого, однозначного определения, как и сам автор книги, в связи с чем необходимо использовать различные подходы, подразумевая под стратегическим уровнем планирования общие цели и расстановку приоритетов. С такой позиции становится возможным выявить процессы и представления, доминирующие во всей политической системе (С. 3, 5).

Рассуждая о стратегических контекстах 1790-х – 1810-х гг., историк делает важное замечание. Несмотря на то, что революция 1789 г. затронула практически все сферы жизни французского общества и оказала влияние на другие европейские державы, не следует преувеличивать значение военных новаций рубежа XVIII – XIX вв. Хотя политические власти 1790-х гг., а следом за ними и Наполеон, внедряли принцип меритократии в армии и государственном управлении, полагались на модернизацию и использование статистики, их возможности были ограничены технологическими и экономическими процессами, которые оставались доиндустриальными (С. 12–13). Между революционной/имперской Францией и Старым порядком сохранялись некоторые элементы преемственности (С. 53). При наличии интереса к новым методам ведения боевых действий и технологиям, многое определялось достижениями военного искусства дореволюционного периода. Пехота доминировала в армии, которая полагалась на огневую мощь неточных и медленно заряжаемых мушкетов. Возможности артиллерии также были ограничены особенностями технологического устройства пушек. Деревянный военный флот приводился в движение силой ветра. Подготовка офицерских кадров основывалась на военном опыте последней трети XVIII в. Территориальные претензии и стратегические интересы основных участников противостояния также имели давние корни. Все это создавало стратегический контекст конца XVIII – начала XIX вв. (С. 13–14).

Анализируя действия революционного правительства Франции в начале 1790-х гг., автор отмечает, что идеологические вызовы, политические перемены, контрреволюционные угрозы, враждебность большинства иностранных монархов способствовали выработке стратегии, имевшей как риторическое, так и практическое выражение. Принимаемые декреты, провозглашавшие своей целью освободить другие народы, подразумевали, что «осво-

божденные» будут снабжать войска своих освободителей, имея статус союзников. Дж. Блэк видит в этом пример политики как стратегии: победа обеспечивается путем подрыва основ власти соперника (с. 26–25, 29).

С нарастанием конфликта и вовлечением в него все большего количества стран, выработка стратегического плана усложнялась. Так, Британия вновь убедилась, что ее союзники не желают подчинять свои планы английским, ровно как забывать собственные интересы и взаимные претензии (С. 31). Приход к власти якобинцев и начало политики Террора привели к расправам над политическими оппонентам и чисткам в вооруженных силах, что не способствовало консолидации сил и заметным успехам. Однако в конце 1793 г. французы смогли воспользоваться отсутствием скоординированных действий у своих противников и оказались более эффективными на поле боя. Введение массового призыва позволило задействовать большее количество вооруженных сил на больших участках фронта, но провоцировало организационные проблемы: значительное количество плохо обученных солдат создавало трудности для слаженного действия войск (С. 34–35, 40–41).

Отличительной чертой французской стратегии 1790-х гг. был революционный запал населения молодой республики. Энтузиазм солдат и офицеров, их патриотическая решимость позволяли частично компенсировать слабую подготовку новобранцев (С. 44–45). Но следует учитывать, что в событиях последнего раздела Польши регулярные войска монархий оказались эффективнее революционных. Вдобавок, другим армиям также были присущи активные наступательные действия, что наглядно демонстрировали стремительные штыковые атаки русских солдат под командованием А.В. Суворова (С. 54–55).

Социальные движения и их подавление являлись неотъемлемой частью стратегического контекста 1790-х – 1800-х гг. Это касалось как восстаний внутри государств, так и мятежей на оккупированных территориях. Противоборствующие стороны пытались их использовать: наиболее эффективно помощь инсургентам оказывали британцы, имевшие сильный флот и финансовые возможности. Но зачастую выгоды были краткосрочными и не давали решающих преимуществ. Дж. Блэк отмечает, что, учитывая интерес к гибридным войнам среди специалистов, данному аспекту уделяется недостаточное внимание в литературе (С. 45–51).

Исследователь указывает, что в литературе зачастую морские операции оказываются в тени сухопутных баталий, что не дает увидеть всей полноты картины, понять глобальный стратегический контекст. Несмотря на заметное расширение европейских военно-морских сил в 1780-е гг., революционные события привели к ослаблению французского флота. Вдобавок Парижу не удалось использовать альянс с морскими державами, прежде всего с Испанией. В свою очередь, Адмиралтейство Соединенного Королевства превратилось в самый эффективный стратегический центр своего времени, обеспечив доминирование на морских коммуникациях, что позволило оказывать поддержку армии и союзникам (С. 61–64). На этот аспект обращал свое внимание еще А.Т. Мэхэн⁹.

Начиная с 1798 г. центральной фигурой в военно-политической сфере и, соответственно, в области принятия стратегических решений становится Наполеон. Уже на этом этапе прослеживаются его типичные ошибки планирования. Египетский поход продемонстрировал переоценку своих возможностей и обстановки в ближневосточном регионе. Неудача ждала и в Карибском бассейне после провозглашения независимости Гаити в 1804 г., во многом из-за неспособности использовать потенциал союзников. Эта проблема не раз проявит себя в будущем (С. 85, 87, 90). Вместе с тем Бонапарт хорошо понимал ценность обладания военно-морскими базами, что демонстрирует захват им итальянских территорий, интерес к Ионическим островам и Балканам (С. 99).

В тот же момент британцы утвердили свое влияние на Персию и присутствие в Красном море, а в боевых действиях 1803–1804 гг. и в ходе нападения на Данию в 1807 г. использовали фактор неожиданности, предотвратив усиление французского флота (С. 73, 83–84, 101).

Дж. Блэк неоднократно подчеркивает, что политика и стратегия были тесно переплетены: просчеты в одном приводили к неверным оценкам и неудачам на полях сражений. Это проявлялось в создании республик-сателлитов (С. 77) и перекраивании карты Европы (С. 108, 112), разногласиях внутри альянсов (С. 79), дискуссиях в правящих элитах (С. 56, 81).

Характеризуя особенности стратегического мышления Наполеона в контексте боевых действий 1804–1809 гг. и 1810–1814 гг.,

---

⁹ См.: Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793 – 1812. Т. 1–2. СПб., 2002.

автор обращает внимание на отказ от части революционного наследия, упор на милитаристские образы и ценности, а также особую роль концепта нации, который активно использовали во внутренней и внешней политике (С. 96–97, 172–173). Военные новации, прежде всего в виде внедрения корпусной организации в армии, имели свои издержки. Несмотря на все плюсы, такая система страдала от логистических недостатков, создавала трудности в организации обеспечения войск, и увеличивала нагрузку на оккупированные территории. В пределах Западной Европы, где инфраструктура и коммуникации были развиты, это было не столь заметно. Но в условиях войны в Восточной Европе и на Пиренеях проблемы проявляли себя в полной мере (С. 103, 112–113, 126–127).

Ситуация на море после 1805 г. складывалась в пользу Лондона, который прочно завладел инициативой и укреплял свои базы в Средиземноморье и в Атлантике (С. 128). Русско-шведская война 1808–1809 гг. обозначила новый регион, который всерьез беспокоил англичан – Северное море (С. 118). Париж в свою очередь не предпринимал никаких серьезных попыток урегулировать конфликт с островным соперником, а курс на Континентальную блокаду едва ли был достижим. Эта ситуация усугублялась решимостью Бонапарта начинать новый конфликт, не закончив предыдущий (С. 113, 115).

Особое внимание британский историк обращает на боевые действия в Испании, которые отличались от всех прочих наполеоновских кампаний продолжительностью, особым стратегическим и политическим контекстом. От французов требовалось выработка сложного и тонкого плана действий, на который не был способен Наполеон: на Пиренеях они были вынуждены противостоять регулярным испанским войскам, партизанам, британским силам, а с 1812 г. ситуацию усугубила война с Россией (С. 122–123).

Следствием французского поражения в Отечественной войне 1812 г. стало создание новой мощной антинаполеоновской коалиции. Вдобавок, Бонапарт не смог адекватно оценить нанесенный его войскам урон как физический, так и психологический. Он не предпринял попытки предложить реальные условия для перемирия, что в конечном счете укрепило решимость Александра I продолжать войну, а для обоих императоров наступательная стратегия стала гарантией безопасности (С. 139, 148). Битва народов 1813 г. поставила перед союзниками новую цель: отбросить про-

тивника обратно во Францию, а потом и вовсе восстановить на престоле Бурбонов (С. 133).

Англо-американская война 1812–1814 гг. продемонстрировала переоценку США собственных возможностей: они не смогли разработать четкий план действий из-за низкого полководческого мастерства, отношений между отдельными командирами, размеров территорий, охваченных конфликтом и пр. (С. 151).

В военной политике Бонапарта оказалось много уязвимых мест. Главная ставка делалась на силовые действия. Дипломатия не предполагала компромиссы и равные союзы. Отсутствие гибкости в принятии решений дополнялось повсеместным назначением офицеров на гражданские должности, в том числе и в качестве послов. Он не смог понять интересы ключевых игроков конфликта, расставить приоритеты и увидеть все возможности, что свидетельствует об отсутствии владения стратегией. В конечном счете его действия привели к многократному усилению британской военно-морской мощи и российских сухопутных сил (С. 176–179).

Великобритания и Россия, находясь по краям Европы, смогли задействовать все доступные ресурсы для достижения поставленных целей, мобилизовать свои политические элиты и выйти подлинными победителями из многолетнего противостояния. Несмотря на более высокое развитие налоговой и административной сфер, а также большую степень свободы предпринимательства, британская экономика опиралась на глобальную торговую систему, которая контролировалась с помощью военного флота. Это придавало ей экстенсивный характер и сближало с русской. Оба государства на протяжении всего XIX столетия будут играть ключевую роль: одно – на евразийском пространстве, второе – на море (С. 180–183).

Поражение Франции ознаменовало неминуемое наступление эпохи национализма, а также конец гегемонии Парижа, пик которой пришелся на начало 1812 г. Союзники смогли победить не без модернизации своих войск: в 1809–1815 гг. французы сталкивались с армиями, которые пытались копировать их структуру и систему организации (С. 183–184).

Таким образом, выработка стратегии происходила в политическом, культурном контексте эпохи, на который влияли социальное, институциональное развитие, индивидуальное соперничество представителей военно-политических элит, а также международ-

ная обстановка и традиционные интересы (С. 202–203). Многие сухопутные операции были бы неосуществимы без действий на море, а значит должны анализироваться вместе (С. 108). «Наполеоцентричность» конфликтов рубежа XVIII–XIX вв. мешает их изучению на глобальном уровне (С. 90). Но, без учета событий в Азии, на Ближнем Востоке и в Новом Свете понять всю глубину противостояния невозможно.

Широкий взгляд под новым углом на привычную для военных историков проблему, безусловно, способен спровоцировать дискуссию и дальнейшее изучение на стыке нескольких подходов. Интеллектуальная история стратегии, тем более в глобальном масштабе, позволяет ставить вопросы о континуитете и дисконтинуитете, о традициях и новациях в военной теории и практике, о влиянии других идейных сфер. Данное обстоятельство способно расширить тематический спектр исследований в русле военно-исторической антропологии. В этом отношении Джереми Блэк безусловно достиг своей цели.

REFERENCES

- Гладышев А.В.* 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. Москва, 2018 [Gladyshev A.V. 1814 god: «Varvary Severa» imejut chest' privetstvovat' francuzov. Moskva, 2018].
- Гладышев А.В.* Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Т. 59. С. 136–150 [Gladyshev A.V. Antropologicheskij povorot v voennoj istorii // Dialog so vremenem. 2017. T. 59. S. 136–150].
- Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793–1812. Т. 1-2. Санкт-Петербург, 2002 [Mekhen A.T. Vliyanie morskoy silyna francuzskuyu revolyuciyu i imperiyu. 1793–1812. T. 1–2. Sankt-Peterburg, 2002].
- Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. Москва, 2002. С. 5–22 [Senjavskaia E.S. Voенno-istoricheskaja antropologija kak nova otrasl' istoricheskoy nauki // Voенno-istoricheskaja antropologija. Ezhegodnik, 2002. Predmet, zadachi, perspektivy razvitija. Moskva, 2002. S. 5–22].
- Уваров П.Ю.* Мир накануне раннего Нового времени. Санкт-Петербург, 2022 [Uvarov P.Ju. Mir nakanune rannego Novogo vremeni. Sankt-Peterburg, 2022].

- Чудинов А.В.* Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. Москва, 2019 [Tchoudinov A.V. Zabytaja armija. Francuzy v Egipte posle Bonaparta. 1799–1800. Moskva, 2019].
- Black J.* Naval Warfare: A Global History since 1860. Lanham, 2017.
- Black J.* Plotting power: strategy in the eighteenth century. Bloomington, 2017.
- Black J.* Land Warfare since 1860: A Global History of Boots on the Ground. Lanham, 2018.
- Black J.* Introduction to Global Military History: 1775 to the Present Day. London, New York, 2019.
- Black J.* Military strategy: a global history. New Haven, 2020.
- Black J.* Strategy and the Second World War: How the War was Won, and Lost. London, 2022.
- Black J.* The French Revolutionary and Napoleonic Wars: strategies for a world war. Lanham, 2022.
- Isaac J.* Strategy as Intellectual History // Modern Intellectual History. Vol. 16. 2019. № 3. P. 1007–1021.
- Mikaberidze A.* The Napoleonic Wars: A Global History. London, 2020.
- Robin R.* The Cold World They Made: The Strategic Legacy of Roberta and Albert Wohlstetter. Cambridge, 2016.

Еремин Владимир Станиславович
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Саратовский национальный
исследовательский
государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
e-mail: ereminvst@gmail.com

Vladimir Eremin
PhD (History), Senior Researcher
Saratov State University
83 Astrakhanskaya Street, Saratov,
410012
e-mail: ereminvst@gmail.com
Researcher ID: ABF-6605-2021
ORCID: 0000-0002-9232-7355